

АЛЛА ДЕМИДОВА

АЛЛА
ДЕМИДОВА

ЛАБИРИНТ
ПАМЯТИ

МОСКВА
Издательство АСТ
Белония М

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Книга издана при поддержке Федерального агентства по печати и
массовым коммуникациям

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

В книге использованы фотографии из архива автора
и фондов РИА Новости (среди них работы А. Бродского,
Ю. Абрамочкина, А. Гаранина, В. Вяткина, Г. Кмит)

На переплете коллаж режиссера *Рустама Хамдамова*

Книга издана при участии *Павла Каплевича, Сергея Николаевича,
Кирилла Серебренникова* и «Клуба 418»

Демидова, Алла Сергеевна

Д30 Лабиринт памяти / Алла Демидова. — Москва : Изда-
тельство АСТ, Белония М, 2020. — 368 с., ил. — (Алла Демидо-
ва. Избранное)

ISBN 978-5-17-122339-7

Блуждая по лабиринту памяти, известная актриса, уникальная жен-
щина Алла Демидова вспоминает яркие страницы своей творческой био-
графии и щедро делится ими с читателем. Вместе с автором мы перене-
симся в Театр на Таганке и попадаем на репетиции и спектакли Юрия
Любимова и Анатолия Эфроса, как живого видим Владимира Высоцкого,
затем окунаемся в атмосферу деятельности таких режиссеров, как Роман
Виктюк, Лариса Шепитько, Кира Муратова, Андрей Тарковский, Сер-
гей Параджанов, и рядом наблюдаем прекрасных актеров – Иннокентия
Смокуновского, Георгия Жженова... А вот мы уже оказываемся в кварти-
ре Лили Брик, оваянной тайной и загадкой. Или следуем за актрисой в ее
зарубежных поездках и знакомимся с деятелями западного искусства –
Антуаном Витезом, Теодором Терзопулосом, Бобом Уилсоном, Жоржем
Сименоном... И конечно, везде мы видим Аллу Демидову, в самых разных
театральных и кинолях.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.С. Демидова, 2020
© РИА Новости
© «Издательство АСТ», 2020
© ООО «Белония М», 2020

ISBN 978-5-17-122339-7

Из разговора средневекового философа с сыном:

- Папа, а в человеке есть Бог?
- Есть.
- А в животных есть Бог?
- Есть.
- А в цветах есть Бог?
- Есть.
- А в цветах, которые отражаются в зеркале, есть Бог?

...И я не знал, что ему ответить.

Вместо предисловия

Для меня нет границы между выдуманным, прошлым и настоящим. Я запоминаю только свои душевные дискомфортные узлы или благодарность от общения с людьми. Больше ничего: ни стран, ни дат, ни событий. Вениамин Александрович Каверин как-то назвал это актерской памятью. Видимо, он прав. Те несколько извилин, которые нам природой даны для запоминания, у актеров заполнены текстами пьес. Я не могу вспомнить свой номер телефона, телефон мамы, которой звонила каждый день. В воспоминаниях одно время налезает на другое.

Однажды дошло до абсурда. Моей приятельнице подарили летом белого пушистого кролика. Ее такса Долли тут же стала на него охотиться. Тогда их поселили в разных комнатах, стали выгуливать по очереди, и дача сразу превратилась в сумасшедший дом. Кролика надо было отдавать. Но куда?! И тут я вспомнила, что мы с Володей, моим мужем, как-то нашли ежика со сломанной лапкой. Принесли домой. Днем он где-то спал, ночью топал по комнатам. Прошел месяц, нам надо было уезжать, и мы отдали ежика сыну нашего знакомого — сын был председателем кружка юннатов. Возвращаюсь домой, рассказываю мужу про кролика и говорю, что мы отдадим его, как в свое вре-

мя и ежика, сыну нашего приятеля. Володя спокойно все слушает и говорит: «Алла. Ежика мы с тобой нашли двадцать пять лет назад, а сыну Цуккермана сейчас под сорок, и живет он в Израиле».

«В поисках утраченного времени» — какое прекрасное название для своей книги придумал Марсель Пруст.

Утраченное время — что от него остается?

...Как-то однажды я заехала за Борей Биргером, чтобы вместе ехать на день рождения к Инне Лиснянской в Переделкино. Спустились вниз, в почтовом ящике лежало письмо от Володи Войновича (первое после его эмиграции). Боря, не распечатав, положил письмо в карман, и мы поехали в Переделкино. Приехали, зашли сначала к Вениамину Александровичу Каверину — его дача была напротив. Сели в садике. Я читаю вслух письмо Володи Войновича из Мюнхена, Боря меня рисует карандашом: белая французская шляпка, белая кружевная кофточка и письмо — рисунок получился абсолютно в стиле XIX века. Боря подарил его потом Инне Лиснянской (недавно мне Инна сказала, что этот рисунок до сих пор висит у нее над кроватью).

А письмо было о странных свойствах памяти — удерживать одно и упускать другое. Каверин заметил: «Да, это абсолютно писательская память, но память писателя молодого. Я сейчас помню все, что происходило со мной в 20-е годы, — могу даже не заглядывать в дневники, но не помню, что было на прошлой неделе. И поэтому пишу только мемуары...» Боря Биргер, художник, говорит: «А я помню, кто как сидел, какое было освещение, какого цвета платье на женщине, — могу даже зарисовать, а вот когда это было — вчера или до войны, не помню».

А я про себя подумала, что в памяти, видимо, с годами появляется обратная перспектива: чем старше становишься, тем ярче — картинки детства. Каверин прав.

Отчетливо помню себя лет с пяти-шести. Я жила в эвакуации у бабушки во Владимире. Отец ночью приехал с фронта. Меня разбудили. Радости не было — хотелось спать. Отец показал две игрушки, которые он привез мне и моей двоюродной сестре, — лису и слона. Я выбрала лису. Утром сестре достался слон. Она ревела. Громко, во весь голос. Ей хотелось лису. Я плакала тихо, в уголке. Она, просыпаясь утром, на весь дом кричала «Каа» (молока) и еще в постели выпивала поллитровую кружку парного молока. Я никогда не любила молоко и до сих пор его не пью. Я часто болела. Она — нет. Мы дрались.

Лиса же долго жила вместе со мной, пока мама не отдала ее какой-то маленькой девочке. Мне жаль. У моего мужа Володи на книжной полке рядом с большой энциклопедией сидит пыльный коричневый вельветовый медведь, который был куплен до рождения Володи.

Странно, я с трудом вспоминаю свои роли, репетиции, съемки, гастроли. Вернее, вспоминаю, когда это нужно вспомнить — когда кто-нибудь спросит. И с удовольствием рассказываю про свое детство...

Судьба мне подарила встречи с прекрасными и талантливыми людьми. О них-то я и хочу рассказать в этой книжке. Но моя эгоистическая память фиксировала только то, что касается меня.

Обычно осуждают людей, которые пишут «я и ...». А как же по-другому? Ведь это я пишу, потому — «я и имярек». Театровед или литературовед восстанавливает портрет человека, даже и не зная его близко. Но это совсем другое. Когда ты хорошо кого-то знаешь, он поворачивается к тебе только той стороной, которой хочет повер-

нуться. Например, Высоцкий был очень многогранен, а ко мне всегда поворачивался одной и той же стороной. Я видела и другие его стороны, но ко мне они отношения не имели. Поэтому некоторые мои воспоминания кажутся односторонними и короткими. Я ведь специально не рисую многогранник, я показываю только одну сторону — «я и ...».

Пусть меня простит читатель, если он найдет в этой книге кое-что из моих прежних книг или старых интервью. Тот же Высоцкий. Я уже один раз зафиксировала свою память о нем — написала целую книгу; и если начать рассказывать заново, это будет ложью. Хотя мелкие факты, которые вспоминаются случайно, я и буду прибавлять.

Память детства

Я не люблю вспоминать, вернее — не люблю специально уходить в прошлое, но если ассоциативно что-то мелькнет в памяти по ходу действия или какого-нибудь рассказа, то картинка прошлого встает так ярко, что иногда заслоняет сегодняшний день. А иногда прошлое соединяется с настоящим и получается совершенно что-то фантастическое. Так бывает у хороших актеров. Мне повезло увидеть Смоктуновского в роли Мышкина, когда театр восстанавливал «Идиота» для фестиваля в Эдинбурге. Я смотрела на сцену и видела современного человека, Иннокентия Михайловича, и на это наслаивалось время Достоевского, и отчетливо читался характер самого Мышкина. Одно время накладывается на другое — фантастика!

Когда я не могу заснуть, я стараюсь уйти в свое детство. Я вижу пыльную летнюю улицу Нижнего Сельца, где жила бабушка, крыльцо, куда в щель мы с двоюродной сестрой бросали как в почтовый ящик свои записки (они, наверное, до сих пор там лежат), гусей перед домом, которые щиплют свою «гусиную» травку. Из ворот тетя Нюра выгоняет нашу корову Победку. Теленок родился в День Победы, поэтому его так и называли. Однажды по улице шел полк солдат, в это время пришло стадо, и бабушка,

выйдя на крыльцо, кричала: «Победка, Победка!» Солдаты странно на нее косились.

А один раз мы шли с бабушкой в городе после продажи красной смородины у политехнического института (мы с сестрой должны были оборвать куст смородины — ужасное занятие! — в большую корзину, и бабушка продавала ее по рублю за стакан), мимо опять шли солдаты, и в последнем ряду, отставая ото всех, шел молодой солдатик в больших кирзовых сапогах. И когда он пробегал мимо нас, бабушка сунула ему 3 рубля и сказала: «Прими, Христа ради». Он удивился, но безропотно взял деньги и побежал дальше догонять свой полк.

Дело в том, что в бабушкину старообрядческую религию входило обязательное подаяние. И даже когда в войну нам самим было нечего есть, за столом всегда сидели или нищие, или кто-нибудь из эвакуированных. Как-то раз мы пили чай, вместо сахара была свекла, мы с сестрой фантазировали — какие могут быть пирожные (мы их никогда не ели), и вдруг во рту вместо противного вкуса свеклы почувствовали что-то необычное — сладкое с орехами и еще с чем-то, названия чего мы не знали. Может быть, за столом сидел гипнотизер и он нас пожалел или наша фантазия так разыгралась, что стала конкретной. Кстати, гибкая фантазия и так называемая вера в предлагаемые обстоятельства — главное качество актеров.

Мне однажды тоже подали 3 рубля как милостыню. Это было уже после войны. По дороге в школу я каждый раз останавливалась около сапожной мастерской, чтобы понюхать запах кожи, который мне так нравился. Там в маленьком закутке сидел инвалид и чинил обувь. Он, наверное, давно приметил меня и как-то спросил, кто я, с кем живу; я ответила, что с мамой, отец погиб на фронте, — и он мне протянул 3 рубля. Я взяла. Но больше никогда не останавливалась у этой двери. А эти 3 рубля, может

быть, мне вернулись бабушкины? Я давно заметила — надо что-нибудь отдать, потом обязательно это же вернется.

Отца я помню эпизодически. Но очень ясно. Я даже помню, как я впервые пошла к нему через всю комнату. Он схватил меня на руки и рассмеялся. Он был счастлив. Мне исполнился тогда один год.

Потом вижу, как стою на его лыжах сзади, схватившись за его ноги, и мы спускаемся с пологой горы.

У меня плохо с памятью. События налезают друг на друга, и я не запоминаю последовательности. Я забываю имена, цифры, рассказанные кем-то анекдоты, плохо помню лица. Память держит только тексты пьес и стихи. Тексты пьес я вспоминаю по мизансценам, если прохожу их мысленно. Стихи же можно уложить в «быструю» и «дальнюю» память. Быстрая нужна для кино или телевидения, а когда читаю стихи со сцены, то запоминаю их как роли, т.е. перекладываю слова на образы или цвета, а лучше — на мысленные цветные картинки.

А иногда какие-нибудь строки стихотворения вызывают картинку из прошлого.

Когда началась война, я была у бабушки под Владимиром. В октябре 41-го года из Москвы уже невозможно было уехать, и мама пошла во Владимир пешком. Шла много дней, наконец дошла, взяла меня на руки — я ее не узнала; она поняла это и спросила: «Девочка, где твоя мама?» И я уже по-владимирски на «о» ответила: «До-лѣ-ѣ-ѣ-ко!» — и помахала рукой в сторону Москвы. В какой стороне Москва, мы знали, у нас была игра — надо было попросить кого-нибудь из взрослых ребят: «Покажи Москву», — и он брал тебя обеими руками за голову, где уши, и приподымал над землей лицом в сторону Москвы. Игра мне эта, кстати, очень нравилась. Может быть, поэтому у меня потом оказалась такая длинная шея.

Мама осталась во Владимире, устроилась работать, сняла маленькую комнату в одно окно в одноэтажном деревянном доме недалеко от Золотых ворот и отдала меня в недельный детский сад. Когда бы там она меня ни навещала, я всегда стояла у ворот, смотрела на дорогу и ждала ее. В нашей комнатке помимо нас жили крысы, и, уходя, надо было все съедобное подвешивать в наволочке к потолку. Крысам, естественно, это не нравилось, и однажды они от злости распоролы подушки. Когда мы вошли, вся комната была в пуху.

Отец, после ранения, приехал на два дня к нам уже во Владимир. Мама ушла на работу, мы остались с ним одни, и он меня спросил: «А к маме кто-нибудь приходит в гости?» И я, хотя знала, что у мамы есть другой мужчина, ответила: «Нет. Никогда».

Мне кажется, мама его не любила. Вышла замуж с условием, что он ей купит комнату в Москве. В 30-х годах это было можно. Он купил небольшую комнату недалеко от Балчуга. Поехали к маминим родителям под Владимир. Он вернулся в Москву раньше, и на вокзале его арестовали. Сослали на север. Мама осталась одна в Москве. За ней стал ухаживать один человек из «благополучной» московской семьи, просил выйти за него замуж — она согласилась, но неожиданно вернулся отец (в начале 30-х это было возможно — за примерное поведение иногда освобождали раньше). Мама его пожалела, и отец остался с ней. Потом родилась я. Ему не разрешалось жить в городе, и он перебрался к сестре в Рузу. Потом началась война. Он ушел добровольцем на фронт.

20 января 1945 года в польской деревне Выжики Ломжинского повята его убили. Мы к этому времени были уже в Москве. Я помню салют в честь взятия очередного города и мамин громкий плач — она только что получила похоронку.

А до этого он мне приснился. Мы были с ним в нашей комнате, и вдруг он стал совсем маленьким и ушел под шкаф. Сны я запоминаю редко, а этот помню очень ясно.

Мы с мамой остались одни. Потом появился отчим... Я ходила в школу.

Площадка перед гостиницей «Балчуг» была местом наших игр. В гостинице жили семьи вернувшихся с войны. Там жила моя подруга Наташа Шапкина. Очень красивая спортивная девочка. В драмкружке она получила роль Снегурочки, а я — Бобыля. Она хорошо прыгала через скакалку, а я все время сбивалась. Дети — народ жестокий. Однажды они не выдержали моих сбивов, взяли меня за руки и за ноги и долго держали за парашютом Москвы-реки. Я вернулась домой в истерике и больше никогда не доверяла коллективу.

Балчуг, Москворецкий мост, Красная площадь, Александровский сад — мой ареал обитания.

Мама ходила по этому маршруту в Университет на работу, а я с ней в свой детский сад во дворе университетского корпуса. Зимой мама возила меня на санках. Я вижу, как по белому снегу от Василия Блаженного катится красное яблоко, которое я уронила. А внизу в стене Блаженного была нора, где жила Королева крыс. На Манежной площади зимой стояла большая нарядная елка, вокруг палатки, где продавали игрушки и конфеты. Но это, наверное, было уже после войны. У меня одно время наслаивается на другое. Может быть, это было вчера?

Мне не спится. Бессонница. Я стараюсь уйти в воспоминания детства. К бабушке, в Нижнее Сельцо. Тогда я спала в амбаре, и рано утром, когда из всех домов выгоняли скотину, я просыпалась и, закутавшись в одеяло, садилась на ступеньки амбара и смотрела на проходящих коров, за ними шли козы и в конце с длинным хлыстом небольшого роста подпасок, и, проходя мимо меня, он лихо